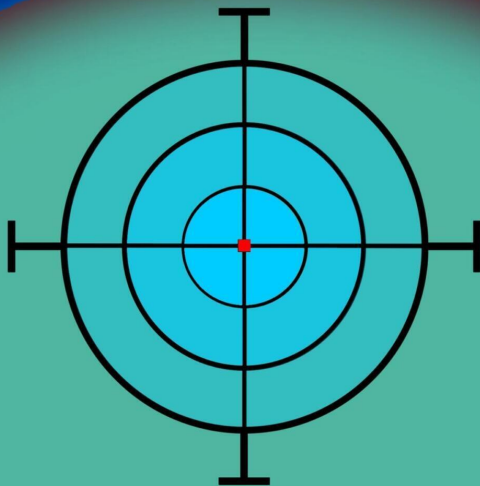

А.Ф. Борун

Не ко двору

2021

Александр Феликсович Борун

Не ко двору

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63739961

SelfPub; 2023

Аннотация

Существует множество попаданческих романов, в которых на попаданца в прошлое возлагается миссия – изменить ход истории. Скажем, ход Первой мировой войны – и, возможно, отменить революцию. Или ход Великой Отечественной – возможно, с улучшением дальнейших перспектив СССР. Естественно, по воле авторов героям это удаётся...

Александр Борун

Не ко двору

Сергею Вепреву по прозвищу Серый Хряк, которое друзья сокращали до «Серый», а враги наоборот, не случилось вырасти добрым человеком. Некоторые люди толстеют в почтенном возрасте, тогда максимум, что могут себе позволить друзья со слишком развитым чувством юмора – это пошутить на тему «хорошего человека и должно быть много». Но участь толстого мальчика незавидна. Не дразнит его только ленивый. А если ещё и фамилия подходящая, попробуй тут не стать мизантропом.

В друзьях он никогда не мог быть уверен. Видел, что они больше заинтересованы в том, чтобы списывать у него домашние задания, чем в том, чтобы захватить его с собой прошвырнуться в кино или на парковые аттракционы. Хотя и его киношные пристрастия не отличались от их, и голова на карусели не кружилась. Разве что на аттракцион «сталкивающиеся автомобильчики его не допускали, ссылаясь на ограничение веса. Но они, очень дружелюбные в классе, почему-то старались «забыть» его предупредить и смывались после уроков со скоростью звука. Гнаться за ними было бы унижительно, да и не догонишь. Окликать и проситься с ними – ещё унижительнее.

Как можно относиться к друзьям, если друг Ондатр, кото-

рый, между прочим, чаще всех списывает математику, увидев в туалете, что враги макают Вепрева головой в унитаз, делает вид, что ничего не заметил и поспешно смывается оттуда? А потом так и не признаётся, что что-то заметил? Хотя это уже понятно, кто же в таком признается. А одноклассница по кличке Нутрия, списав самостоятельную по истории и будучи поймана учительницей, утверждает, что это Вепрев у неё списал, а не она у него. Притом не может ответить ни на один вопрос по теме, тогда как он может. А она смертельно обижается и переходит в лагерь его врагов. А что он должен был делать, врать вместе с ней? Когда учительница уже всё поняла?

В общем, отношение его к друзьям слабо отличалось от отношения к врагам. Что-то вроде затаённого «вы меня ещё узнаете!» или «вы ещё пожалеете», как-то так. Притом он понимал, что вряд ли они узнают и пожалеют. Скорее, он их после школы больше не увидит.

Враги унижали более честно, чем друзья, а учителя, вроде бы одёргивая их, посмеивались сами. Иногда они давали ему советы, как похудеть. Судя по их советам, они были роботами с компьютерами в голове, способными непрерывно оценивать количество съеденных и затраченных калорий, воля их была железной, а чувство голода и лень в какой бы то ни было форме не были им знакомы вообще. Компьютеры в их головах были весьма ограниченными по части сообразительности. Во всяком случае, советчики не подозревали по-

чему-то, что их советы – только неточные и фрагментарные копии предписаний врачей, да ещё и с добавлением ошибок. И если уж врачи не помогали, то зачем позориться непрошеным советчикам? Могли бы догадаться... Впрочем, Сергей, рано ставший циником, подозревал, что советы вызваны не участием, а желанием покрасоваться на его фоне.

Неудивительно, что учился он хорошо, хотя и не по желанию, а по необходимости хоть такого выживания в жестоком детском коллективе, в армию не попал, а выучился на бухгалтера и стал работать по полученной специальности.

Жизнь, вроде бы, наладилась, но Вепрев добрее к людям не стал. Упрощают жизнь и цинизм, и идеализм, но от первого не ожидаешь разочарований. Бухгалтерия была не банкой с пауками, но и дружным сплочённым коллективом её назвать было бы слишком, так что жизненных примеров на поддержание критического отношения к людям, организациям и идеалам хватало.

* * * * *

Поэтому, став попаданцем, Сергей очень удивился. Нет, удивляются все попаданцы, конечно. Даже те, кто очень любит фантастику и фэнтези, кто умеет погрузиться в книгу с головой, забывая вовремя поесть и лечь спать, всё-таки и во время чтения где-то на заднем плане знают, что великолепный мир магии и успеха выдуман, и готовы отложить книгу ради какого-нибудь важного дела (например, сходить в сортир, когда припрёт), чтобы вернуться в выдумку позд-

нее. Оказавшись среди «выдумки» реально, они удивляются – как, параллельные миры, оказывается, существуют?! Круто!..

Но Сергей удивился не только самому факту своего попадания. Тем более что магии/фантастики в новом мире или не было, или была капля. Нет, две капли. Одна – то, что он оказался в теле двадцатилетнего спортсмена, кандидата в мастера спорта по стрельбе, по имени тоже Сергей, с подходящей фамилией Стрельцов. И, кстати, с нормальной спортивной фигурой, ничуть не толстого. Что хорошо. Что плохо – накануне Великой Отечественной...

Вторая капля фантастики касалась его способностей стрелка. Сергей не знал, были ли они уже у Стрельцова, тело которого он занял, или появились у него только в процессе переноса в параллельную реальность (или в прошлое?). Были, так сказать, приданы ему как некий необходимый бонус, без которого герою не справиться с его героической миссией. Как бы то ни было, его способности стрелка на несколько порядков превосходили всё, что он всегда считал возможным. Окружающие имели такие же, как у него, обычные представления о метких стрелках, то есть – дело было не в том, что в данном мире с этим обстоит как-то иначе, чем в прежнем. Так что он сразу решил свои способности на всякий случай скрывать. По возможности. Соревнования небольшого ранга выигрывал, на крупных старался оставаться вне призовых мест, хотя и близко к ним. Числился подающим надежды, но

не очень удачливым спортсменом. А тут война...

Больше всего Сергей удивился выбору неведомых сил. Почему он? Зачем ему спасать новую историческую общность – интернациональный и перед лицом испытаний дружный советский народ – от другой новой исторической общности – сверхчеловеческих (в своём воображении) арийцев? Евреев от немцев? Коммунистов от фашистов? Сталина от Гитлера? Будучи циником и пессимистом по отношению к окружающим, не ожидая от них для себя ничего хорошего, тем более он без всякого почтения относился к провальному социальному эксперименту, каким был СССР. Так с какой стати его сюда поместили, причём непосредственно перед войной, снабдив спортивной специальностью, которая была, по сути, военной?

Впрочем, гадать, как поступать в такой ситуации, не приходилось: как только фашисты напали (насколько он мог судить, точно так же, как в его прежнем мире), его мигом призвали в армию и отправили на фронт. Учитывая спортивную специализацию, снайпером. На фронт он прибыл в конце июля, в разгар Смоленского сражения. Началось оно десятого июля и продолжалось, сколько Сергей помнил, два месяца. Немецкие танки ворвались в город шестнадцатого (в памяти маячила фамилия Гудериан, но в новостях этого не было), и в городе завязались упорные уличные бои, через три дня немцами была захвачена Ельня к юго-востоку от Смоленска, устроив обороняющимся советским войскам опера-

тивное окружение. За три дня до уличных боёв в Смоленске началось наступление советских войск на Бобруйск, южнее Смоленска, с целью выхода в тыл наступающему противнику. Однако через несколько дней командование группы армий «Центр» поспешно перебросило на угрожаемое направление пехотные соединения. Наступление было остановлено. Вот в это время и место он прибыл. Сколько помнил Сергей, Смоленскому сражению оставалось продолжаться весь остаток лета и закончиться нашим поражением в начале осени. Что касается Бобруйска, отбить его у немцев не удалось. Удалось только задержать немецкое наступление. Возможно, из-за этого немцы оказались под Москвой в зимние морозы и потерпели первое значительное поражение в Великой Отечественной. Похоже, какие-то высшие силы решили нашим помочь переломить ход войны ещё раньше. Для чего с какой-то радости выбрали героем его. Вот спасибо!

Интересно, у немцев тоже есть такие попаданцы со сверхспособностями? Если есть, наверняка придётся столкнуться. В «Илиаде» разные боги помогали разным героям греков и троянцев. А то и сами выходили на поле боя. Какому-то герою Афина помогла ранить бога войны Ареса, и он отправился жаловаться папаше, а тот его только отругал за кровожадность. Кажется, так. Не хотелось бы встретиться с Аресом теперь. Впрочем, если попасть ему на расстоянии как белке в глаз, наверное, тоже отправится лечиться. Но, скорее, просто не станет рисковать. Одно дело – поучаствовать

в битве с холодным оружием, другое – с огнестрельным. Как говорится, Бог создал человека, а полковник Кольт сделал людей равными. Правда, его же собственный снайперский талант показывает, что это не так...

* * * * *

Войдя в землянку в три наката под сгоревшей сосной, указанную ему как штабную, Сергей не сразу нашёл, кому докладывать о прибытии. Керосиновая лампа, видимо, погасла, и только бьющийся в тесной печурке огонь бросал неверные красные, иногда жёлтые отсветы на обстановку. Ворвавшийся с вошедшим морозный воздух перемешался с местным, стало жарко, запахло дымом и потом. Через некоторое время глаза привыкли, и Сергей увидел, что комполка, которому он собирался докладывать, спит, сидя за столом, уронив голову на руки. Судя по тому, что на столе были не карты, а кружка и миска с торчащей из неё ложкой, ему давно уже не приходилось не только нормально поспать, но и нормально поесть.

Петлиц формы сидящего Сергей не видел, но рукав напротив печки был освещён достаточно, чтобы различить на нём два угольника. Он мог бы определить, были ли они шириной четыре или шесть миллиметров, но не стал напрягать зрение: расстояния между угольниками определённо подходили на десять миллиметров гораздо больше, чем на пять. Таким образом, это был, по крайней мере, не лейтенант, а капитан, майор или подполковник. В зависимости от коли-

чества прямоугольников в петлицах. Которых не видно. Но точно не полковник – у того было бы три угольника на рукаве. К счастью, знание об этом досталось Сергею вместе с чужим телом, а то могли и за шпиона принять. Кто же не знает званий РККА? Только немецкий шпион. Вообще-то полком, вроде, полагается командовать полковнику, но убыль командного состава... Да и полк после месячного отступления мог сократиться в количестве до батальона, а то и роты... Так что Сергей не удивился бы даже капитану в роли командира полка.

Как-то это нехорошо символично получается, что его прислали неведомо к кому в подчинение. Хорошо ещё, участок фронта обозначили. Хотя и это, понятно, военная тайна, но чтобы отправить его совсем уж неведомо куда, пришлось бы давать сопровождающего, которому место назначения сообщить. Какой смысл? Впрочем, в наличии у военных логики Сергей и так не был уверен. То есть, понятно, какая-то логика у них есть, но она в любой момент может быть отменена действием какого-нибудь нелепого пункта устава, или нелепого приказа некомпетентного вышестоящего командира.

Сергей шагнул было ближе к столу, но приложился коленом о невидимую в темноте лавку, стоявшую перед ним, да так, что, не сдержавшись, обозвал её собакой. Правда, не в полный голос. Но матерно. Спящий не среагировал ни на стук, ни на матерную собаку. Сергей попятился и вылез из землянки.

– Ну, что приказал товарищ майор? – спросил приведший его к штабной землянке вестовой, сержант Александров.

– Спит он, – не скрывая небольшой досады, сказал Сергей. (Майор, не капитан, – отметил он про себя. – Похоже, полк, в который его направили служить, всё-таки остался побольше роты, хотя и поменьше батальона. Надолго ли?.. Это если судить по званию командира). – Да погоди ты! – остановил он помыкнувшегося было влезть в землянку сержанта. – Пускай спит! Доложу о прибытии чуть позже. Ты бы лучше показал мне, куда вещи кинуть, а потом – место, откуда лучше всего на позиции немцев глянуть. Через оптический прицел. – Он коснулся сперва лямки вещмешка – вещи, которые кинуть, потом приподнял длинный чемоданчик с винтовкой.

Сергею не терпелось получить подтверждение, правильно ли он ощутил свою миссию. Хотя он ещё не решил, будет ли её выполнять. Зачем? В конце концов, он не единственный на фронте снайпер. Можно и не выделяться на общем фоне.

– Мне не положено, я при нём, – кивнул на штабную землянку сержант, – когда спит, тем более. Но я тебя, товарищ снайпер, тогда сейчас к замкомполка провожу. Ему предварительно и доложишь, и дальше он обо всём распорядится. – И он полез в соседнюю землянку, побольше, в которой, видимо, рассчитывал найти заместителя командира полка.

* * * * *

Через десять минут Сергей уже рассматривал позиции немцев, лёжа в неглубоком окопе чуть ниже верхушки хол-

ма. Пока не в прицел, а в стереотрубу, перископы которой маскировались стоящим впереди кустом. Хоть и голые ветки, а всё-таки прикрытие. Видно было очень хорошо: его суперснайперские способности подсказывали, что вон тот приглушённый отблеск – не каска солдата, а маленький кусок брони чуть-чуть недоукрывшегося за холмом танка, причём судя по изрытой земле рядом, он там далеко не один, и даже можно себе представить, как они там разместились... А вон тот маленький кубик у другого холма – стоящие друг на друге три прямоугольных ящика со снарядами, и, опять-таки, понятно, что за холмом – позиция артиллерийских орудий, и примерно понятно, как они там могут быть расставлены, учитывая особенности местности и позиции войск, а непосредственно вплотную к тем ящикам есть и другие, которых за холмом не видно, но если грохнуть эти, остальные детонируют, и мало фашистам не покажется...

Было бы ещё лучше рассматривать всё в одиночестве, но сопровождавший его комвзвода младший лейтенант Богданов, молоденький парнишка, наверное, только что с сокращённых командных курсов, уходить не собирался. Война ждать не любит, и замкомполка капитан Владимиров распорядился приписать прибывшего к взводу Богданова (от которого осталось бойцов на полтора отделения), разместить и немедленно отправить на позиции, а доложить комполка майору Глебову потом.

Но лейтенант мучился неполным соответствием распоря-

жения уставу и решил приглядеть за непонятным новичком сам. Ишь ты, суп жрать отказался, подавай ему немцев скорее! Ещё не известно, чьи позиции он станет рассматривать и кому потом про них докладывать! Меж тем присутствие рядом шумно дышащего, а иногда и громко чихающего и сморкающегося парня отвлекало Сергея и не давало развернуться его интуиции в полной мере. Он это чувствовал, и злился на недоверие, но просить младшего лейтенанта отодвинуться подальше не стал. Это только ещё больше усилило бы его манию, и он стал бы приглядывать за ним с удвоенным старанием. Когда Сергей читал о шпионии в СССР в своё время, как о событиях прошлого, он мог цинично усмехаться; оказавшись теперь среди людей, искренне веривших в наличие тех самых шпионов, или, во всяком случае, очень старательно делавших вид, что верят, усмехаться или ещё как-либо выражать неверие было бы крайне неосмотрительно.

Подумав, Сергей не стал делиться с комвзвода своим мнением, что немцы, судя по наличию танков близко к передовым позициям, готовятся к наступлению. Во-первых, это было всем очевидно и без рассматривания немецких позиций: немцы с начала войны либо готовились к наступлению, либо наступали, обороняться им приходилось очень мало. Хотя как раз на этом участке фронта, южнее Смоленска, они до сих пор именно оборонялись. Во-вторых, показать Богданову замеченные им признаки он не сможет, и будет принят за

фантазёра и враля. В-третьих, если он постарается, наступление может отодвинуться, тогда и ход последующих событий не докажет его правоту. Лучше завоёвывать репутацию постепенно.

– Товарищ комвзвода, – сказал он. – Разрешите попытаться устроить немцам маленький сюрприз?

– Какой? – подозрительно спросил Богданов.

– Вижу там не очень хорошо замаскированный боеприпас, скорее всего, артиллерийский. Может, удастся взорвать.

– Что-то я ничего такого не вижу, – засомневался младший лейтенант, который только половину времени наблюдал за Сергеем, а другую половину – старался в свой бинокль увидеть, куда именно Сергей смотрит в стереотрубу. Дохлый номер, между прочим. Куда биноклю до стереотрубы. – Покажите мне!

Сергей повернул стереотрубу так, чтобы снарядные ящики были в центре её поля зрения, и уступил место Богданову. Но тот, даже после подробного описания («между верхом чёрной печной трубы, что на месте сгоревшей избы, она чуть левее и ниже цели, а на самом деле ближе к нам, и границей между стволом и кроной дуба, что чуть правее и выше цели, он дальше от нас, и труба, и дуб близко к перекрестью, а цель вплотную к нему, но на волос вправо и вверх, а то бы перекрестье её полностью закрыло») увидеть цель не смог.

– Брешешь ты, товарищ Стрелков, – сказал он наконец. – Или фантазируешь. Допустим, ты снайпер, а я нет. Но чтоб

ты попал в цель, которую я и увидеть не могу... Притом ты будешь в прицел её выцеливать, а не как сейчас, в стереотрубу...

– Ну, не попаду – значит не попаду, – сказал Сергей. – Потрачу зря один патрон. Жалко, но не смертельно. Зато, если попаду, немцы потратят не один снаряд. И вы, товарищ комзвода, сразу увидите, что это вполне возможно. Ведь так?

– Так-то оно так, но может влететь от майора, – засомневался Богданов. – Обстрел позиций противника без приказа начать активные боевые действия, при неготовности к ним состава подразделения...

Как бы опровергая свои слова о неготовности, он почти кричал: как раз в это время постоянная фоновая перестрелка слегка усилилась. Или приблизилась.

– А эти как же? – удивился Сергей, кивая на позиции полка, от которых доносились не только отдельные выстрелы, но и очереди – похоже, в перестрелку включился и пулемёт. Артиллерия, правда, громыхала подальше, возможно, не их полка.

– Какие ещё «эти»? – не понял Богданов. Голос он повышал машинально, а стрельбу не замечал. – Ах, эти! Ну, они просто отвечают на беспокоящий огонь противника в штатном режиме. Это не требует доведения до внимания комполка. А вы хотите большего.

– Так ведь и в штатном режиме любой может случайно попасть в снарядный ящик, – возразил Сергей. – Да немцы

вообще могут сами нечаянно подорваться на своих снарядах.

– То есть вы предлагаете мне, в случае вашего успеха, о нём умолчать?!

– На ваше усмотрение, – сказал Сергей. – Зачем хвастать, если за это влетит?

– То есть вы меня подбиваете на обман командования?..

* * * * *

От капитана Владимирова и майора Глебова влетело обоим. От проснувшегося, но не выспавшегося майора комвзвода Богданов получил приказ проявлять больше инициативы и не беспокоить начальство по пустякам, то есть, видимо, ему следовало разрешить Сергею стрельнуть. Но капитан приказал ставить начальство в известность обо всяких экспериментах и не производить их без разрешения. То есть и на позиции не надо было Сергея водить. При том что сам же он разрешил это сделать. Сергею было приказано проявлять инициативу – давно бы стрельнул, что тут вообще спрашивать. Немцев, что ли, пожалел? Это, как ни странно, не от майора, а от капитана. Майор велел держаться скромнее и не хвастаться заведомо невозможными умениями.

Сергей в бутылку не полез, отстаивать свою правоту не стал, говорил только «так точно» и «никак нет». Но в результате дискуссии между комполка и замкомполка к стереотрубе, пригибаясь, по ходу сообщения почапали все четверо. Сергей убедился, что немцы не переставили ящики, и попытался показать их начальству. Начальство ящиков не увиде-

ло, точно так же, как комвзвода. Грязные серые ящики на фоне серой грязи. Торчащие примерно на треть своей длины сбоку от серого бруствера. Да и эта треть была частично заслонена кустом. Это описание немного примирило майора и капитана с тем, что они не в состоянии соревноваться зоркостью со снайпером. Иначе зачем он вообще был бы нужен?

– Ну ладно, – сказал, наконец, майор Глебов. – Допустим, ящики со снарядами там есть. Как вы собираетесь их взорвать?

– Разрешите для пояснения анекдот? – спросил Сергей.

– Давай, – улыбнулся окончательно проснувшийся майор.

– Идёт мобилизация в фашистскую армию, а воевать немцам не хочется, – начал Сергей. На самом деле во вспомнившемся советском анекдоте речь шла о призыве в армию советскую, но во время войны такой анекдот не так поймут. – Зайца не взяли, и волк интересуется у него, как ему удалось... – Слово «откосить» Сергей употребить не решился – вдруг оно появилось позже? А персонажи волк и заяц, скорее всего, появились в анекдотах после мультика «Ну, погоди!». Так что это уже само по себе анахронизм. Или новаторский художественный приём. Впрочем, могло быть и наоборот, сценаристы сосредоточились на этих персонажах, потому что они были героями анекдотов. – По зрению не взяли, – объясняет косой. – Как это? – удивляется волк. – Сейчас покажу, – говорит заяц. – Видишь вон там, на поляне, пенёк? – Вижу, – говорит волк. – А на пеньке гриб растёт? – Вижу

гриб. – А на грибе муха сидит? – Кажется, и муху различаю. –
А у неё глаза такие синенькие? – Ну, нет, глаз у мухи не ви-
жу! – говорит волк. – Ха! А я и пенька не вижу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.